

Социальная психология

Знаменательный юбилей – 75 летие со дня рождения и 50-летие научной деятельности в системе Академии наук – Екатерина Васильевна Шорохова встречает характерным для себя Поступком – новой статьей, в которой ставится важная теоретическая проблема взаимодействия социально-психологических и социально-экономических переменных. Обращение к историко-психологическому анализу изменения отношений собственности крайне актуально для понимания современной жизни в России. Активная научная позиция характеризовала весь жизненный путь профессора Е.В. Шороховой. И символично то, что этот путь в науке практически совпал с периодом возрождения и достойного развития психологии в нашей стране, для чего ею вместе с ее Учителями были приложены немалые усилия, высоко оцененные последующими поколениями психологов.

Общепризнанным является научный вклад Екатерины Васильевны в разработку методологических и теоретических проблем общей психологии, истории психологии, психологии личности и, особенно, социальной психологии. Как всякий подлинный ученый, профессор Е.В. Шорохова широко известна среди специалистов смежных с психологией наук – философов, социологов, юристов. Это является следствием широты ее научных интересов и результатом глубокой проработки тех вопросов, которые ей приходилось рассматривать.

Все мы с огромной радостью и белой завистью отмечаем, что Екатерина Васильевна остается собой: много читает и пишет, работает в библиотеке и лаборатории, проводит занятия и ведет научные симпозиумы – все это и есть настоящая жизнь в науке, пример которой уже 50 лет показывает Е.В. Шорохова своим ученикам и коллегам.

От всей души поздравляем Вас, Екатерина Васильевна, с юбилеем, новой публикацией и с нетерпением ожидаем Ваших дальнейших работ. Крепкого Вам здоровья и больших успехов!

© 1997 г. Е.В. Шорохова

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ СОБСТВЕННОСТИ У РОССИЙСКИХ КРЕСТЬЯН 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА*

На основе историко-психологического анализа экономической, исторической и психологической литературы производится реконструкция отношений собственности у российских крестьян 20–30-х годов XX в. Особое внимание уделяется личностным характеристикам отношений собственности. Показывается взаимосвязь мотивации деятельности и

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта № 96-03-04315).

поведения личности с формами и функциями собственности, а также то, как проявляются потребительская и производственная ориентация личности, ее коллективистическая и индивидуалистическая направленность. Выявлено, что интерес выступает важным фактором отношений собственности и что существенное влияние на них оказывает процесс идентификации крестьян со своей общностью.

Ключевые слова: личность, крестьяне, собственность, отношение, направленность, мотивация, ориентация, потребности, интерес, идентификация.

1. ЛИЧНОСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ

Сущность личности определяет, как известно, систему общественных отношений. В этой системе собственности принадлежит исключительное место. В самом ее определении заложено личностное содержание. Собственность имеет два аспекта. Во-первых, она определяется как имущество, которое кому-то принадлежит. В этом смысле собственность – это отношение человека к вещи, имуществу. Во-вторых, собственность определяется как отношения между людьми, общностями по поводу присвоения и владения средствами производства, вещами, имуществом. К. Маркс писал, что: "...собственность означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как принадлежащим ему, как к своим" [13, с. 479]. Оба вида этих отношений входят в психологическое ядро личности.

Личность и собственность связаны и по своему происхождению. Ряд исследователей прошлого века (см., например, [11]) считали собственность врожденной, господствующей наклонностью человека. Эта наклонность всеобща и коренится в самых глубинах живого существа, определяется жизненными потребностями. Главная из них – потребность в самосохранении: жить самому и обеспечить жизнь своему потомству. В ряде теорий собственности – трудовой, индивидуальной, оккупационной и других имплицитно присутствует и личностное содержание.

Многими исследователями собственность на землю выделялась в особый класс, поскольку считалось, что право на эту собственность предполагается самой природой человека, ибо земля есть общее достояние всех людей.

Собственность является атрибутом личности. Так, по мнению В. Джемса, трудно провести черту между тем, что человек называет самим собой и своим. В связи с этим, "...в самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические и душевые качества, но также его платье, его дом, его жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, его лошади, его яхта и капиталы" [5, с. 145].

В отношениях собственности осуществляется самореализация личности: "Собственность есть развивающаяся потребность развивающегося человека" [8, с. 31]. В них выражается ее воля. Волевое отношение проявляется как к объекту собственности, так и к другим людям, оно реализуется в процессе волеизъявления, когда человек фактически присваивает объект, используя его, распоряжаясь им (передает другим, продает и т.д.). Отношения собственности определяют интересы человека, ценностные ориентации, жизненные установки, мотивацию поведения, нередко и мировоззренческие позиции.

В формировании отношений собственности важная роль принадлежит сознанию личности, процессу осознавания собственных возможностей и объективных условий присвоения объекта, форм владения и распоряжения им. Результат этого осознания выражается в понятиях "мое – не мое", "свое – чужое", в понятиях "собственника", "хозяина".

Так, по мнению А.Н. Энгельгарта, отношение собственности, выражаемое понятием "хозяин", далеко не только право собственности, это определенное качество человека, его способность и его состояние души, труд его души, который нельзя выра-

зить формальным внешним образом. Собственность не вещь, не имущество, не выгода. Вещь, имущество могут быть общими, собственность исключительно персональна. Вещь, имущество можно получить, до собственности же надо додрасти (см. [23]).

Собственник должен обладать особыми личностными качествами, качествами хозяина. "От хорошего хозяина требуется чрезвычайно много... И между крестьянами есть много таких, которые не только не могут работать иначе, как за чужим загадом, но даже работать хорошо не умеют. Мало того, есть много людей, которые хотя и способны работать, но **не любят хозяйства**. Душа его к хозяйству не лежит, не любит он его, а интересуется чем-нибудь совсем другим" [23, с. 385].

Энгельгард создал определенную личностную типологию по отношению к хозяйствованию. Он писал: "Если с одной стороны возьмем дурачка, который не может нарубить дров, а с другой отличного мужика-хозяина, у которого всякое дело спорится, который может загадывать работу на огромную артель, то между этими двумя крайностями существует множество степеней. Если, с одной стороны, полные дурачки редки, то немногим менее редки и особенно замечательные хозяева. Преобладают средние люди, механически выучившиеся, вследствие постоянного упражнения с малолетства, более или менее хорошо работать, неспособные единолично вести самостоятельное хозяйство, а способные работать только под чужим загадом, под чужим руководством" [23, с. 382].

На отсутствие необходимых качеств для хозяина указывал В.И. Ленин. Он отмечал, что "...ответственные... коммунисты не умеют хозяйствовать и в этом смысле они хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось комчванство. Вопрос о том, что ответственный коммунист... торговли вести не умеет, потому что он не делец, этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться" [9, с. 132].

Я. Яковлев также сетовал на то, что в деревне "доверия к людям нет, истых людей никак не найдешь" [25, с. 737].

Личность и собственность связаны не прямолинейно. Объективно существующее отношение личности к ней и субъективное отношение могут не совпадать. О таких расхождениях у богатых писали, например, Н.О. Лосский и М. Горький. По наблюдениям Н.О. Лосского "...в среде крупной буржуазии, среди богатых промышленников и купцов, были настроения, показывающие, что они как бы стыдятся своего богатства и уж, конечно, сочли бы кощунством называть право собственности священным" [12, с. 17].

М. Горький в очерке "Савва Морозов", наблюдая жизнь купца-миллионера, показывает, что личные его потребности были весьма скромны, можно даже сказать, что по отношению к себе он был скончан, "дома ходил в стоптанных туфлях, на улице я его видел в заплатанных ботинках" [2, с. 5-6].

2. ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ И ЕЕ ФУНКЦИЙ

Отношения собственности определяют природу, характер и степень эффективности той или иной системы мотивации труда. Функциями собственности являются владение, пользование и распоряжение. Владение означает наличие средств производства, имущества, материальных благ у определенного лица, коллектива, общества. Пользование представляет собой юридически гарантированную возможность производительного и личного потребления средств производства и предметов потребления. Распоряжение собственностью отражает возможность совершения каких-либо действий со средствами производства и предметами потребления (продать, передать, купить, потребить и т.д.).

Эти функции специфическим образом сочетаются в разных формах собственности. Различают три формы собственности: общественную или государственную, кооперативную и личную. В общественной форме объектом собственности являются важнейшие средства производства, земля, средства транспорта и связи, продукты, произведенные государственными предприятиями, предметы потребления, входящие в фонд общественного пользования. Субъект собственности – государство. Оно владеет, пользуется и распоряжается ею.

К кооперативной форме собственности относятся часть средств производства, продукты коллективного труда, учреждения и организации коллективного пользования. Ее субъектом является каждый отдельный коллектив трудящихся, объединенных в кооператив, который по своей воле осуществляет владение, пользование и распоряжение принадлежащим ему имуществом.

Субъектом личной собственности в сельском хозяйстве является отдельное крестьянское хозяйство, отдельная семья, отдельный человек. Объекты этой собственности – часть средств производства, предметы потребления (продукты питания, одежда и др.). Владение, пользование и распоряжение соответствующим имуществом осуществляется каждым отдельным членом сообщества исключительно по своему усмотрению. Другие члены сообщества могут пользоваться этим имуществом только с разрешения собственника.

Формы собственности определяют разную степень причастности личности к производственной деятельности, к потреблению материальных и духовных благ.

Непосредственная связь личности с собственностью существует в форме частной собственности. В начале 20-х годов в России абсолютное большинство крестьян связывало свои надежды с развитием индивидуального хозяйства. Их личная заинтересованность и непосредственная мотивация деятельности в отдельном хозяйстве должны были привести к повышению его доходности. Источник дохода – это сбыт излишков произведенной продукции. Каждый крестьянин стремится производить именно тот продукт, сбыт которого приносит ему больше дохода. Конкуренция с другими производителями – один из стимулов хозяйственной деятельности. Индивидуальное хозяйство способно обеспечить прямую зависимость результатов от затрат труда. Аргументом в пользу частного производства в сельском хозяйстве кроме экономических выгод выступают и психологические факторы: существуют приемлемые для крестьян многообразные способы использования своих способностей в труде, ибо индивидуальное хозяйство требует полной реализации возможностей человека.

А.В. Чаянов считал отдельное крестьянское хозяйство основной экономической формой социального развития сельского хозяйства в России.

Своеобразно проявлялась мотивация хозяйственной деятельности у российских крестьян 20–30-х гг. в отношении к коллективной собственности. Общинное землепользование было одной из ее форм. В целом к общинной собственности крестьяне относились положительно. Но были очевидными и тенденции перехода к частной собственности. Это проявлялось в выходе крестьян из общины. Мотивы этого были разные: бедняки получали землю в личную собственность не для того, чтобы вести хозяйство, а чтобы ее продавать, сдать в аренду, а самим заняться "отходом" или уехать в другие районы; зажиточные крестьяне выходили из общины, расширив свое хозяйство и освободившись от вмешательства ее в их хозяйственные дела. Общинное землепользование не стимулировало развитие инициативы крестьян, не повышало мотивацию улучшения хозяйствования. Связано это было прежде всего с переделами земли. Крестьяне не были заинтересованы в совершенствовании культуры производства, ибо переделы земли нивелировали их усилия. Реально общинник не был собственником земли. Он ею только пользовался, но не владел и не распоряжался, соответственно этому и трудился. Стимула к улучшению жизни в общине у крестьян не было. Об этом хорошо писал В. Краинский: "...всякое увеличение богатства в пределах общины является достоянием всей общины, а не отдельного лица. Община,

путем передела и распределения полос по жребию, может всегда лишить хозяина всех результатов его труда. Этот дамоклов меч, висящий над каждым из общинников, вынуждает его придерживаться минимального, а не максимального уровня культуры в общине, чтобы потерять при передаче как можно меньше" [7, с. 32].

Формой коллективной собственности были колхозы. Крестьянин не был владельцем этой собственности. Это вызывало двойственное отношение к колхозам. Крестьяне говорили: "Колхоз мой и не мой, он мой, но вместе с тем он принадлежит Ивану, Филиппу, Михаилу и другим членам колхоза. Колхоз общий". Эта общность принадлежности собственности снижала ответственность колхозников за развитие сельского хозяйства. Практика показала, что нарушение принципов материального стимулирования в колхозах подрывало мотивацию труда. К оценке колхозов можно в полной мере отнести высказывание Н.И. Бухарина о кооперации. "Мы все виды инициативы, — писал он, — заменили одним видом инициативы: со стороны государства... Мы низовую кооперативную инициативу и всякую прочую придушили. И так гиперцентрализовали все дело, получили такой гиперцентрализованный бюрократический аппарат и такую ответственность наверху, что она превратилась в свою противоположность" (цит. по [20, с. 43]).

Еще более сложно обстояло дело с мотивацией труда, связанной с общественной собственностью. Отдельный крестьянин ее не имел, ею не пользовался и не распоряжался. По меткому выражению К.Р. Качаровского, земля может быть трех видов: моя, наша и ничья. Первый характеризует частную собственность, второй — кооперативную, третий — общественную. Общественная собственность была преобладающей в коммунах. В них никто ничего не мог назвать своим. Производственная деятельность в них была достаточно низкой, что и обусловило их распад. Уравнительность в распределении как некоторая форма приобщения к собственности, характерная для нескольких послереволюционных периодов (военный коммунизм, первые этапы организации колхозов, коммуны), не способствовала трудовой активности, повышению производительности труда. Формы оплаты труда при любой форме собственности выступают мощным стимулом производственной деятельности, причем в них должна была предусматриваться дифференциация доходов. Как остроумно заметил С. Деревенский: "Если у каждого по грошу в кармане — драться не из-чего" [4, с. 19].

Важную роль в мотивации труда имела *оценка индивидуального вклада в хозяйственную деятельность*. Психологический момент определения значения этой оценки находим в требовании В.И. Ленина: "...одобрить принцип сообразования размера налога со старательностью земледельца в смысле снижения %-а налога при повышении старательности земледельца" [9, с. 330].

Соответственной оценки результатов индивидуального труда требовали общинники, артельщики, колхозники. Попытки применения такого рода оценок наблюдались при введении в колхозах индивидуальной и групповой сдельщины, в выдвижении принципа ударничества, соревнования.

Нарушение какой-нибудь из функций собственности отражалось на мотивации хозяйственной деятельности. Так, невозможность распорядиться полученной после революции землей не стимулировала подъема и развития крестьянского хозяйства. Этим ослаблялось значение самого факта получения земли, владения ею. Продразверстка посягала на частную сельскохозяйственную собственность. При этом нарушались все функции собственности. Как отмечал Н. Осинский, у крестьянина "...поблек стимул к производству продуктов сверх его потребительской нормы и нужд его хозяйства" [14]. Во время НЭПа были восстановлены права частного собственника, что стимулировало повышение продуктивности сельского хозяйства.

Важным стимулом напряженной работы является возможность удовлетворить потребности. Рассмотрение их как фактора мотивации существенно для понимания ее психологической сущности. Значение роли потребительской ценности товаров и благ

в производственной деятельности и жизнедеятельности людей нашло свое отражение в теории предельной полезности. Принцип предельной полезности в качестве регулирующего момента деятельности признавали М.И. Туган-Барановский, С.И. Солнцев, А.С. Шор и др. Но главная заслуга в разработке теории предельной полезности принадлежит А.В. Чаянову. Суть этой теории в следующем. Количество произведенной ценности, поступающей при хозяйственной деятельности в обладание человека, находится в соответствии с количеством затрачиваемого труда. Затрата же физической энергии для человеческого организма не беспредельна. После сравнительно небольшой траты энергии, необходимой организму, дальнейшее ее расходование требует уже волевого усилия. И чем больше работы осуществляется в определенный период, тем более тягостны для человека последние предельные единицы затрачиваемого труда. Субъективная оценка ценности результатов, получаемых этим предельным трудом, будет зависеть от степени удовлетворения насущных потребностей тружеников. Предельная полезность понижается по мере роста суммы ценности, поступающей в обладание хозяйственного субъекта. На известной высоте трудового дохода наступает момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности, получаемой в результате этой затраты. На этой точке естественного равновесия и остановится продуктивная деятельность работника в трудовом хозяйстве, так как всякая дальнейшая работа будет субъективно невыгодна. "Таким образом, – делает вывод Чаянов, – всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребности хозяйствующей семьи" [19, с. 5].

Чаянов в экономической теории отдавал приоритет человеку. Введением в научный и практический оборот психологических категорий – потребности, потребительский запрос, полезность, выгода, субъективная оценка и др. – он обогатил теорию мотивации хозяйственной деятельности и поведения людей. Но за это был незаслуженно обвинен в психологизме экономической теории. Лишь в последнее время произошла переоценка его идей, теория реабилитирована, а научный вклад получил адекватную оценку: Академия наук России установила именную премию А.В. Чаянова в области экономических наук.

Мощным фактором мотивации хозяйственной деятельности и экономического поведения являются интересы. Они определяют личную инициативу, предпримчивость отдельных хозяев, и реализуются прежде всего в отношении к частной собственности. Срабатывает формула: своя рубашка ближе к телу.

"Чтобы хорошо работать, каждый должен работать на себя, – указывал А.Н. Энгельгарт. – Поэтому-то в артели, если только есть возможность разделить работу, ее делят, и каждый получает свою долюку, каждый получает, сколько заработал. Отец с сыном, брат с братом при рытье канавы делят ее на участки и каждый гонит свой участок... харч хороший работать не заставит, если нет личной выгоды сработать более. Если нет выгоды более сработать, если работаешь не на себя, если не работаешь вольно, если работу сам учесть не можешь, то и не заставишь себя более сделать – все будешь прилениваться, приберегать себя, в жир пойдешь, отъедаться станешь" [23, с. 324].

На значение интереса в экономической жизни и, в частности, крестьянском труде обращал внимание В.И. Ленин. Он считал, что крестьянина надо заинтересовывать новыми формами хозяйствования.

Кооперирование крестьянских хозяйств повышало личную заинтересованность человека. Групповая частная собственность кооператива позволяла соединить личный и групповой интересы. В статье "О кооперации" Ленин писал: "Теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих специалистов" [10, с. 370]. Он считал, что подъем производства должен быть основан не на энтузиазме непосред-

ственno, а при помощи энтузиазма, на личном интересе, на личной заинтересованности. В последующем эти принципиальные положения не учитывались в практике колхозного строительства. На необходимость учета индивидуального интереса в хозяйственной деятельности указывал Чаянов. Характеризуя кооперацию как предприятие и социальное движение, он отмечал: "Мы могли бы считать характерной чертой кооперативного предприятия то, что оно никогда не может явиться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов" [18, с. 77].

Непосредственный интерес труженика снижается по отношению к общественной собственности, поскольку она принадлежит всем и никому. Требуются специальные меры, чтобы включить отношения к общественной собственности, которой отдельный человек не владеет, не пользуется и не распоряжается, в систему мотивации его хозяйственной деятельности и поведения.

3. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЦИИ КАК ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ

Отношения к разным формам собственности определяли разную личностную ориентацию крестьян. Выделяются производственная и потребительская ориентации личности, группы в хозяйственной деятельности. Потребительская направленность обусловливала прежде всего реализацией принципа уравнительного распределения. Этот принцип действовал в коммунах, когда распределение проводилось по "насущным потребностям". Он проявлялся также и в колlectивных хозяйствах, в артелях, когда ориентировка на минимальный прожиточный минимум реализовывалась распределением по едокам и рабочей силе. Крестьяне говорили: "Нам сейчас лучше всего государство должно организовать совхоз, потому как государство сейчас все забрало, так пускай теперь все нам и предоставит" [6, с. 28].

Обследование, проведенное по заданию руководящих органов в 1931–1932 гг., выявило наличие "иждивенческих потребительских тенденций у некоторой части бедноты в колхозах" [17, с. 23]. В условиях господства государственной собственности, когда распространенным было "всеобщее ничье", крестьяне претендовали на личное благополучие, гарантированное правительством, а не личным трудом.

Идейным основанием служила формула коммунизма "от каждого по способностям, каждому по потребностям". Причем, первая часть формулы, выражающая ориентацию на производственную активность, оставалась в тени, на ведущие позиции выдвигалась вторая ее часть. К распределению по труду, свойственному принципу социализма, на первых порах социально-экономических преобразований в России основная масса крестьян подготовлена не была. Идеи коммунизма были более приемлемыми для обыденного сознания. Еще в свое время Н.Г. Чернышевский обратил на это внимание. "Чтобы сочувствовать социализму, – писал он, – надо быть подготовлену к довольно сложным комбинациям идей, чтобы сочувствовать коммунизму, достаточно чувствовать на себе отяготительность существующих экономических отношений и иметь обыкновенное человеческое сознание, что несправедливо терпеть нужду человеку работающему или готовому работать" [22, с. 831].

Некоторые исследователи считали, что оптимальное сочетание производственной и потребительской ориентации представлено в общине. В этом отношении интересны взгляды Ю.Ф. Самарина. По его мнению, общему благосостоянию способствует то, что при общине осуществляется пропорциональность между земельным наделом и трудовыми силами, т.е. обеспечивается наиболее рациональное сочетание условий производства. Надельная система предупреждает вредные крайности в распределении общественного богатства. Это не значит, конечно, что в общине происходит равномерное распределение общественного продукта. Такая система, по словам Самарина, достигалась бы лишь при условии, что "весь собранный на общественных полях хлеб и все сено, убранное на общественных лугах, делилось по числу душ или про-

порционально потребностям". Этого в общине нет. "У кого способностей больше, – заключал он, – кто употребил больше усилий, тот больше положит и в свою житницу со своего поля, следовательно не лишится продуктов своего труда: по возможности потрудиться на себя и обеспечить свое существование дается всем" [16, с. 330].

Оптимальное сочетание производственной и потребительской направленности содержится в крестьянском хозяйстве. На это указывал Чаянов.

В 20-30-х годах предпринимались попытки активизации производственной и экономической деятельности крестьян. Вводились разные формы оплаты труда (трудодня, индивидуальная и коллективная сдельщина и др.), внедрялись принципы соревнования и ударничества. Но эти меры не давали ощутимых результатов, поскольку не производилось коренных преобразований отношений собственности. Проблема активизации производственной деятельности превращалась в национальную проблему. Интересные соображения на этот счет высказывал В.М. Штейн. «В русской литературе перед войной велся оживленной спор – итти ли русскому интеллигенту в предприниматели или в кооператоры. Ответ ясен: в какой бы сфере он не проявлял свою активность, он будет полезным, "экономически активным" членом общества, лишь бы не сидел сложа руки и благочестиво размышляя о допустимости той или иной формы проявления экономической энергии. Пропаганда активизма – один из важнейших паролей дня. И с этой точки зрения процент активных участников производства среди всей массы населения является отличным барометром **экономической психики народа**» [21, с. 48]. Эти слова не потеряли актуальность и в наши дни.

4. КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКАЯ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Личностные направления отношений собственности выражаются в индивидуалистической и коллективистической направленности индивида и групп. Прямого совпадения форм собственности и этих направленностей не существует. Нельзя с определенностью сказать, что частная собственность непременно вызывает индивидуализм, а общественная – коллективизм. Здесь отношения более сложные. Многие исследователи пытались найти корни индивидуализма и коллективизма в природе индивида, истории развития человечества. Частная собственность не смогла уничтожить человечность отношений, гуманизм и чувство общности людей. Ш. Летурно писал: "Если горе ближнего трогает нас, то это происходит оттого, что бесчисленные поколения предков, живших среди более или менее общинного строя, передавали нам чувства социальности, общественности, чувства скрытые, но все еще живущие в глубине нашей совести" [11, с. 62–63]. Другую точку зрения высказывал наш соотечественник А.Н. Энгельгардт. История человечества со временем разложения первобытного племени, общины есть эволюция эгоизма, постепенное развитие индивидуализма и воспитывавшихся под влиянием индивидуализма инстинктов бездущия, жадности, хищности" [23, с. 141].

Индивидуализм российских крестьян выступал чуть ли не их национальной особенностью. "У крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации, зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству – все это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплуатировать всякого другого, все равно крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду. Все это однако не мешает крестьянину быть чрезвычайно добрым, терпеливым, по-своему необыкновенно гуманным, как редко бывает гуманен человек из интеллигентного класса" [24, с. 521].

Коллективизм и индивидуализм непосредственно связаны со способами организации труда, хотя эта связь и не однолинейная. Сложно переплетались индивидуализм и коллективизм в разных формах хозяйствования. В российской общине, как отме-

чают все исследователи, сильной стороной была коллективистическая направленность. Общинное владение землей – ее основа. Уравниловка в общине, выражавшая общность интересов крестьян, обусловливала коллективистическое поведение. "Со-борность" как особенность русского духа, взаимопомощь крестьянских хозяйств, выполнение общих работ, человечное отношение друг к другу, помошь (помощь "кусочками", "толока", "помочи" и др.) нуждающимся, обездоленным, организация коллективных хозяйств выступают как некоторые формы проявления коллективизма. Отчетливо коллективистическая направленность общины наблюдается перед лицом внешнего по отношению к ней врага, угрозы со стороны. Круговая порука была тоже специфическим выражением коллективизма, солидарной ответственности. Организация коллективных форм хозяйствования (кооперативов, артелей, колхозов, совхозов) объединяла людей в совместной деятельности, расширяла коллективистические начала. Интересной формой коллективности было самообложение на селе, которое добровольно вводилось крестьянами.

Индивидуалистическая направленность в деятельности и поведении российских крестьян претерпевала своеобразную эволюцию. Существует производственный и отношенческий индивидуализм. Натурализация хозяйства была одним из источников индивидуализма, который проявлялся в организации труда и в распределении его продуктов. Выполнение отдельно, а не вместе части общей работы (соответственно и индивидуальное вознаграждение за нее) выражало индивидуалистическую направленность. Если есть возможность разделить работу на части, это делают и каждый обрабатывает свою часть. Стремление приберегать себя при выполнении общей работы тоже выражает индивидуалистические устремления. В новых социально-экономических условиях возникали новые формы индивидуализма. В частности, он проявлялся в стремлении урвать что-либо для себя при раскулачивании, уклониться от труда под тем или иным предлогом. Большие ожидания крестьян от коллективизации, их стремление жить лучше, нередко для бывших единоличников означало и работать меньше, хуже, чем в своем хозяйстве. Заменившая уравниловку индивидуальную и групповую сдельщину в колхозах выражала тоже индивидуалистическую направленность в поведении. Иждивенчество многих начинаящих колхозников было по существу превращенной формой индивидуализма. Традиционный индивидуализм при определенных условиях превращался в групповой эгоизм. Наиболее распространенной его формой была замкнутость колхозов. Под разными предлогами в них часто не принимали новых членов, руководствуясь простой крестьянской логикой: нас мало, нам больше достанется.

Преодоление индивидуализма, воспитание коллективизма выступало как государственная задача. Но решение ее не всегда было эффективным по целому ряду причин. Само государство представляло собой суррогат коллективности. В соотношении коллектива и личности безусловный приоритет отдавался коллективу. Личность выпадала из поля теоретической и практической деятельности. Лозунг воспитания всесторонне развитой личности оставался абстрактным. Ни в теории, ни на практике не учитывались индивидуальные особенности человека. Индивидуалистическая направленность получала односторонне отрицательную оценку. Между тем индивидуализм выражает личную свободу. По мнению В.Г. Белинского, России надо пережить апофеоз личности. В письме Боткину 4 октября 1840 г. он писал: "Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества. Это мысль и дума века" [1].

4. ИДЕНТИФИКАЦИЯ КРЕСТЬЯН СО СВОЕЙ ОБЩНОСТЬЮ

Организация хозяйственной деятельности в деревне, существование разных форм собственности объединяли и разъединяли крестьян. Эти объективные процессы отражались в чувстве "мы" и "они". Идентификация крестьян со своей общностью выступала как важный социально-психологический феномен, определяющий взаимодействие и взаимоотношения людей. Существуют несовпадения экономического

положения, социального статуса и психологической идентификации. Разделение на "мы" и "они" в деревне проходило по разным основаниям: по отношению к общине как основной общности до 30-х годов, территориальной принадлежности, социальному статусу, имущественным признакам, роду занятий, по отношению к традиционным и новым объединениям и др. В понимании крестьян антиподом общиной, "мира" были в первую очередь помещики и те, кто их поддерживает. Большинство крестьян идентифицировали себя с эксплуатируемыми, причисляя к эксплуататорам всех остальных. Но в категорию "они" попадали и крестьяне соседнего села, иные группы, сословия. Самое резкое деление на "мы" и "они" проходило по линии "община" и "не-община". Это создавало психологические условия замкнутости общин, противостоящих друг другу как "мы" и "они". Как "мы" воспринимали себя хозяева, кулаки, зажиточные, середняки, противопоставляя себя "им" – беднякам, батракам.

К особой категории можно отнести солдат, вернувшихся с войны и составивших в деревне специфическую психологическую общность. Объективный процесс осерединивания крестьян после революции изменил группы, с которыми крестьяне себя идентифицировали. Этот процесс не всегда совпадал с чувством принадлежности отдельного хозяйства тому или иному слою, находящемуся выше и ниже по статусу. Так, зажиточные крестьяне объявляли себя середняками. Батраки, которые по своему экономическому положению фактически являлись пролетариями, считали себя хозяевами. Причисление крестьян к буржуа рассматривалось ими как отрицательная характеристика. Слово "бургжуй" для крестьян становилось неприемлемым, даже позорным. Уходящие в город крестьяне постепенно теряли связи с деревней, меняли свою психологическую принадлежность. Сначала, вернувшись в деревню, они уже плохо себя чувствовали в ней, а попав вновь в город, отчуждались от своей крестьянской общности и становились недругами "деревенщины". Своеобразным было отношение к таким маргинальным группам, как купцы–помещики, середняки–кулаки. В этих группах маргинальность переносилась на характеристику личности.

Идентификация крестьян со своей общиной проходила по-разному. Это был сложный процесс. В период расцвета поземельной общинны связи крестьян с ней были наиболее сильными. При разложении общинны в дореформенный и пореформенный периоды эти связи ослабевали. Столыпинская реформа, предусматривающая выход крестьян на отруба и хутора, организационно оформляла разрыв этих связей. Мотивация выхода крестьян из общинны была разной. Произошло резкое размежевание на "мы" – общинники и "они" – хуторяне, отрубники. Внутри общинны в дореволюционный период выделялись "красная" и "холодная" стороны (Г.В. Плеханов, Н.Н. Златоврацкий). Сложным был процесс межклассовых отношений. Так, Г.В. Плеханов образно представлял отношение рабочих к крестьянам. Он говорил, что рабочим было еще труднее сойтись с крестьянами, чем интеллигентам. Петербургские рабочие смотрели на деревенского человека сверху вниз. «Они называли его "серым", в душе всегда несколько презирая его, хотя совершенно искренне сочувствовали его бедствиям» [15, с. 133]. В самой деревне после революции произошел ее раскол на "старую" и "новую". Расслоение крестьян на селе выделило несколько социальных слоев, групп, противостоящих друг другу как "мы" и "они". Сложным был процесс идентификации личности с семьей. В период расцвета патриархально-общинного строя семья выступала как основная общность, с которой крестьянин себя фактически отождествлял. Ослабление влияния семьи происходило с утратой ее функции – быть главной хозяйственной ячейкой на селе. Разделение семейного хозяйства на несколько хозяйств (выделение из семьи детей) было одной из форм преобразования идентификации крестьян с этой общиной.

В процессе социально-экономических преобразований в России в 20–30-х гг. возникали новые социальные общности. Так, в период НЭПа появились "новые помещики", после революции создавались комитеты бедноты, на первых этапах коллективизации внутри сельской общинны появилась категория выделенцев. Идентификация крестьян с этими новообразованиями проходила сложно, отношения "мы" и "они" приобретали

острый характер. Противоречиво проходил процесс идентификации, включения крестьянина в новую общность при создании колхозов. Повсеместно наблюдалось настороженное отношение к их организации, достаточно частые выходы из них, повторное вступление, снова выход и т.д. Психологическая сложность идентификации в период коллективизации состояла наряду с другим и в том, что колхозы были антиподами общины, традиционной и привычной им общности. Одно крупное объединение "мы" должно было уступить другой общности "мы", основанной на совершенно ином социально-экономическом основании – кооперативной собственности на землю и основные производительные силы.

Процесс идентификации крестьян со своей общностью определял противоречивые социально-психологические процессы – отчуждения от своей общности или причастности к ней.

Итак, мы рассмотрели некоторые социально-психологические характеристики российского крестьянства 20–30-х гг. в условиях изменения форм собственности. Исторический аспект реконструкции социально-психологических явлений сельского населения исключительно важен для более глубокого понимания современного состояния жизни нашего общества. Его анализ необходим для извлечения уроков при проведении разумной, отвечающей интересам человека политики, и осуществления реформ, учитывающих исторический путь, пройденный русским крестьянством в послереволюционный период в соотнесении со специфическими социально-психологическими его особенностями.

Эта работа только начинается. Мы надеемся, что она будет продолжена новыми поколениями психологов во благо будущего России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину. 4 окт. 1840.
2. Горький М. Савва Морозов. Полн. собр. соч., М., 1973. Т. 16.
3. Девятый съезд РКП(б): протоколы. М., 1960.
4. Деревенский С. Что говорят про землю социал-революционеры и социал-демократы. Пг., 1907.
5. Джемис В. Психология. СПб., 1905.
6. Коллективист. 1930. № 7–8.
7. Краинский В. Община и кооперация. СПб., 1907.
8. Леденев М.И. Современная концепция социализма и собственность. Собственность: проблемы развития. Владивосток, 1990. С. 7–33.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
11. Летурно Ш. Эволюция собственности. СПб., 1989.
12. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1957. Кн. 1.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1.
14. Осинский Н. К вопросу о регулировании сельского хозяйства. Правда, 1920. 4 декабря.
15. Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении. Соч. Т. III.
16. Самарин Ю.Ф. Соч., М., 1911. Т. XII. Письма 1840–1853.
17. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 8.
18. Чаянов А.В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. М., 1921.
19. Чаянов А.В. Очерки по экономике сельского хозяйства. М., 1924.
20. Шмелев Г. Николай Иванович Бухарин: политко-экономические воззрения // Политическое образование. 1988. № 10.
21. Штейн В.М. Экономическая политика. Экономика. Пг., 1922. Вып. IX.
22. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15 т. М., 1949. Т. 9.
23. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем (1872–1887). М., 1887.
24. Энгельгардт А.Н. Прогресс как эволюция жестокости. М., 1887.
25. Яковлев Я. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. М., 1924.